Окончание. Начало в № 1, 2 за 2018 год

Рисунки Марины Медведевой

ГЛАВА 11. ДЕНЬ ЗАЩИТНИКА ОТЕЧЕСТВА

Я вам честно скажу: в десять лет жизнь и без того не сахар, а тут еще уроки учить задают.

В феврале я посчитал, сколько нам еще учиться осталось. Оказалось, до летних каникул целых три месяца. Три месяца в школу ходить надо, представляете? И как их пережить, я не знал, потому что сил учиться совсем не было. В этой школе каждый день то задачку решить надо, то стих выучить, то еще что. А где же силы взять на все это? Я тогда подумал: «Может, нам с Вовкой в армию пора, мы ведь с ним за год прилично подросли. Шутка ли, на пять сантиметров. Нас, с таким-то ростом, запросто в разведчики возьмут или летчиками, а может, и вовсе на границу. Только у нас собаки нет. Один Шарик во дворе бегает, но он бестолковый какой-то, команды не понимает. Ему кричишь: "Шарик! Сидеть!" — а он бегать начинает и лаять. Ему кричишь: "Шарик! Лежать!" — а он хвостом машет и скачет, как заяц. Дурень, а не псина, такому только склад разрешат сторожить. А на границе умная собака нужна».

И вот мы как-то в среду, после школы, сидели с Вовкой у меня в комнате и читали учебник по литературе. Читали-читали, читали-читали — у меня даже пот пошел и палец заболел — тот, которым я по строчкам водил. И я говорю: «Ну все! Хватит! Я уже три страницы прочитал! Вот, даже палец до костей истер». А Вовка говорит: «Покажи!» Посмотрел и заявляет: «Да нет! Не до костей еще! Вот у меня другое дело — у меня от чтения язык онемел! Смотри. Э-э-э...» И он вывалил свою лопату. Я говорю: «Здóрово!» А он: «Это же надо, сколько нам читать приходится. Мы с такой скоростью уже к пятому классу все книжки перечитаем». Я говорю: «Ага! И газеты тоже». «Все-таки ты прав, Мишка, на сегодня знаний и так много. Мы уже вон сколько прочитали, до потолка будет!» — добавил Вовка. А я даже обрадовался, что у меня друг такой есть, у нас с ним всегда мысли сходятся.

В общем, закрыли мы книги, отложили их в сторонку, я говорю: «Давай лучше в войну играть, солдатиками». Вовка говорит: «Угу, давай, тащи их скорее сюда!»

Я достал коробку, высыпал из нее солдатиков и кричу: «Чур, я за наших!» Потому что я люблю за наших играть, у меня за наших как-то лучше получается, а еще потому что солдатики мои. Ну а Вовке, значит, фашисты достались. И вот расставили мы наше войско на полу, я с одной стороны комнаты, а Вовка с другой. Еще у меня был железный танк и пушка. Танк был советский, с красной звездой на башне, и я оставил его себе, а пушку отдал Вовке. Мне ее было совсем не жалко, разве что самую малость, но надо было делиться с Вовкой техникой, иначе бы он обиделся. К тому же пушка была сломана. Она когда-то стреляла маленькими пульками, но одна из них застряла в дуле, а еще пушка была без

колеса, и если честно, я уже даже не помнил, в каком бою оно отломилось.

Через минуту солдатики были расставлены, орудия заряжены, и наши ринулись в наступление. Мой танк впереди, а солдаты за ним. Солдаты идут в бой, а возле них пули свистят и взрывы: «Бах! Дыдыщ! Тра-та-та!» Мой танк стреляет, строчит пулемет, и тут, в самый разгар боя, ранили нашего командира в руку. А он все равно орет:

— Ура-а-а!

И все солдаты бегут за ним, и стреляют на ходу, и тоже кричат:

— Ура-а-а!

А фашисты с другой стороны падают как подкошенные, и пушку у них заклинило. Становится ясно, что победа будет наша!

Вдруг Вовка говорит:

— Скучно.

А я говорю:

— Как же скучно, тут наши, там фашисты.

Вовка говорит:

— Конечно, скучно! Я уже наперед все знаю. Мы с тобой сто раз так играли, и понятно, что твои — наши — моих победят. Тем более у твоих — наших — танк, а у меня только пушка, и та не стреляет! Эх, вот бы взаправду в армию пойти! Мишка, ты как?

— Я согласный! Солдатом быть — здо́рово! Там и каша солдатская с тушенкой, и гильз можно набрать полные карманы. И солдатский ремень у тебя, с блестящей бляхой.

— Вот и я про то! Представляешь, солдатская форма на мне, а на ней погоны и значки разные, и каска у меня, и сапоги на солнце блестят, а в руках автомат — настоящий. И я марширую сначала вперед: «Раз, два!»

И Вовка начал маршировать по комнате.

— А потом назад: «Раз, два!» А потом просто так марширую: «Раз, два, три!» И тут ко мне старшина подходит и как заорет: «Хорошо маршируешь, солдат! Как звать?!» А я: «Рядовой Вовка звать!» А старшина руку под козырек: «Назначаю тебе два наряда вне очереди, рядовой Вовка! Раз, два!» А я ору: «Есть два наряда! Разрешите идти!» А старшина: «Разрешаю! Идите!» И я марширую в солдатскую столовую, картошку чистить — три ведра: «Раз, два! Раз, два! Раз, два, три!» Ну как? Здорово?

— Ага! Здорово. Я тоже хочу два наряда, да еще и без очереди.

— Э-э-э! Ишь, размечтался! Эти два наряда заслужить надо, их кому попало не дают, мне Санька рассказывал, у него старший брат служит.

Я говорю: «Вот, Вовка, все служат. Одни мы с тобой время на тетрадки да на учебники тратим. Пора и нам в армию! Я еще утром хотел тебе предложить. Надо нам в разведчики пойти, на Кубу! Идем скорее вещи собирать!»

А Вовка: «На Кубу так на Кубу. Давно пора». И мы пошли. То есть Вовка к себе домой пошел, а я никуда не пошел, я прямо тут остался, вещи складывать. И я полный рюкзак успел собрать, пока мама с работы не пришла. Само собой, я все взял. Все, что может пригодиться разведчику на службе: кружку, миску, ложку — для еды; альбом и краски — чтобы карты рисовать; бельевую веревку с балкона — мало ли, языка брать пойдем и его вязать придется? Еще я новую рубашку и теплые носки взял, потому что мы с Вовкой договорились, что целый год служить будем. Загрузил полкило конфет, чтобы в пути подкрепиться, кто ее знает, где она, эта Куба, может, до нее целый день добираться придется. Потом я решил записку родителям оставить, чтобы не волновались: «Все нормально, уехал служить на Кубу. Ваш сын, разведчик Миша». Но не успел, мама с работы вернулась. И я решил: так скажу, без записки. И сказал.

— Мам, ты только не волнуйся. Мы с Вовкой решили в армию пойти. В разведку и пограничниками еще. Будем границы защищать земли русской. И в разведку ходить, языка брать.

Мама как про разведку услышала, удивилась, конечно, но не очень сильно, а чему удивляться-то, я у нее уже большой, понимать надо. Потом она прямо тут же в коридоре присела, руки на колени положила и спокойным голосом кричать начала: «Нет, вы меня точно в гроб вгоните! Вот что ты опять выдумал, а?! Ну какая еще разведка?! А в школу кто ходить будет?»

А я говорю: «Ну мам. Я же три года в школу хожу и все выучил. Школа — это очень долго, нам ведь там еще восемь лет учиться! А потом экзамены и институт. Полжизни уйдет на это. А мы с Вовкой уже все решили и договорились, что сначала на Кубу, потом два наряда и картошку чистить».

А мама как про Кубу и два наряда вне очереди услышала, сразу же перестала кричать. Вместо этого она простым голосом стала спрашивать: «Миша, какая еще картошка? Может, у тебя повышенная температура? А ну, подойди-ка ко мне». И я подошел, а мама положила мне руку на лоб. А потом продолжила: «Нет, температура нормальная. Миша, ну что с тобой происходит? Ты совсем себя не контролируешь! Твои действия переходят всякие границы!»

А я: «Ну мама! Я свои действия контролирую — это они сами хулиганят! А границы потому и переходят, что их стеречь некому. Мы же с Вовкой то в школе, то дома, уроки учим».

Мама сказала: «Нравится чистить картошку? Тогда помоги мне с ужином. А потом я проверю, как ты уро-

ки сделал. И чтобы ни о какой Кубе я больше не слышала».

В общем, мама совсем расстроилась из-за моего поведения. Тогда я решил, что буду и дальше учиться, чего уж там — не так-то и трудно! А армия и Куба никуда не денутся, подождут еще пару лет. И мы вместе с мамой пошли на кухню картошку чистить.

Вовке тоже сказали, что нос не дорос. И мы по-прежнему в школу ходим. А сегодня наши девочки всех ребят в классе с Днем защитника Отечества поздравляли. И нас с Вовкой, конечно, тоже. Только нам от этого как-то грустно сделалось. И мы молча смотрели в окно, где кружил белый снег, и думали каждый о своем: я — о разведчиках и Кубе, а Вовка — о двух нарядах вне очереди и, наверное, о своем коротком носе тоже.

ГЛАВА 12. БУКЕТЫ

Я сначала Восьмое марта не очень любил — и кто его только выдумал? Нас же в классе всего восемь мальчишек. А девчонок, подумать только, семнадцать штук! Это каждому по две и еще одна лишняя. Или двоим по две с половиной достаются, а что толку? Тут считай не считай, дели не дели, а подарки все равно дарить. А что им дарить, никто не знал.

В первом классе еще ничего было. Мы тогда транспортиры дарили и хором кричали: «Пааа-здрааа-вляяяем!» Это для нас пустяки, проще пареной репы. А вот во втором классе уже сложнее было. Мы с нашей классной руководительницей Ларисой Сергеевной торт пекли. Точнее, два. Класс-то у нас уж очень прожорливый, одним бы не обошлись.

И вот Лариса Сергеевна оставила нас после уроков и сказала: «Мальчики, у меня для вас отличная идея. Мы с вами для девочек торт испечем. Жду вас в воскресенье у себя дома». А настоящий торт мы еще никогда не пекли, ни разу в жизни. А только ели. И конечно, мы закричали: «Ура-а-а!» И я от радости даже — бац! — портфелем Вовке по спине. А он от радости — шлюмс! — своим мне по затылку. А я ему еще раз хотел стукнуть, но Лариса Сергеевна сказала: «Прекратить безобразие! Итак, жду вас в воскресенье в двенадцать ноль-ноль. А теперь — все свободны!» И мы побежали по домам, уроки делать. А в воскресенье все были как штык — ровно в двенадцать ноль-ноль. Хоть часы сверяй.

Лариса Сергеевна надела фартук, приготовила миску, муку, яйца и еще что-то. А мы стояли вокруг стола и смотрели, было очень интересно и весело. Потом Лариса Сергеевна стала все смешивать и взбалтывать, и у нее здорово получалось. А когда все взболталось и перемешалось, Лариса Сергеевна включила духовку, и мы стали печь коржи. Оказалось, что коржи пекутся скучно, и мы разбрелись по квартире, чтобы им не мешать. Тогда Лариса Сергеевна собрала нас по всей квартире в одну комнату и стала рассказывать нам разные истории, объяснять, что нужно читать, чтобы хорошо учиться, а мы сидели на диване, а кто-то на полу и внимательно слушали. Потом она сказала: «Пора доставать коржи». И мы пошли их доставать. А когда они остыли, Лариса Сергеевна обмазала их кремом, и мы пошли по домам. Второй торт Лариса Сергеевна пекла уже без нашей помощи. А на следующий день мы устроили чаепитие. Лариса Сергеевна нарезала торты, и мы закричали: «Пааа-здрааа-вляяя-ем!»

А в третьем классе мы решили подарить девчонкам цветы. Всех записали, кому какие нравятся. Юлька любит ромашки. Анька — фиалки. Светка — ноготки. Потом каждый вытряс свою копилку. У кого рубль, у кого сколько. И все сложили в одну кучу. Получилось прилично, можно было телевизор купить. А после уроков мы пошли в универмаг. Подошли к прилавку с цветами. Подали цветочнице список и высыпали наши монеты на блюдце. А она все посчитала, посмотрела на наш список и сказала: «Ребят, у вас тут только на один букетик с открыткой хватит. Какой желаете?» Мы говорим: «Никакой не желаем!» — и давай совещаться. Ванька говорит: «Надо соглашаться. Давайте вон тот, белый букет возьмем. Там много, разделим по одному — всем хватит». А Женька говорит: «Давайте лучше всем по открытке купим. Там тоже цветы нарисованы. А на оставшиеся деньги вон тот красный, для Ларисы Сергеевны». Долго спорили, как лучше. Чуть не подрались. И вот хорошо, что с нами Серега был. Он подошел к прилавку и сказал цветочнице: «А дайте нам на все деньги вон те красивые пакетики с семенами». Представляете? Вот — это голова! Я бы ни в жизнь не догадался! Мы когда семена купили и между собой поделили, у нас по четыре пакетика получилось. Мы и девчонок поздравили, и Ларису Сергеевну, и каждый свою маму. Всем подарили любимые цветы. А они потом сами семена посадили и у каждой свой букет вырос. У Юльки — ромашки. У Аньки — фиалки. У Светки — ноготки. И у моей мамы тоже букет вырос, целая клумба цветов — астры называются.

ГЛАВА 13. ПОХОД

Я вам сейчас про одно устройство расскажу — компас называется. С ним хоть в лес, хоть в

пустыню, хоть в другую страну можно. Ни в жизнь не потеряешься.

А узнал я о нем от брата. Дело было в конце мая, нас тогда на каникулы отпустили. И я по комнате от радости скакал, ничего не думал. Вдруг мой Ванька подходит и говорит: «Мишка, мы завтра с ребятами идем в поход. Пойдешь с нами?» А я как закричу: «Ух ты! Здóрово! Конечно, пойду! Я всю жизнь мечтал сходить в настоящий поход!» И я тут же начал одеваться, а Ванька забрал у меня штаны и сказал: «Да погоди! Завтра же». А я затараторил: «Ага, ага! Понял, понял. Это я так. Не терпится просто». А потом я начал скакать на диване и галдеть: «В поход, в поход. Завтра я иду в похо-од!» Потом я устал скакать, присел на край дивана и спросил у Ваньки: «А что мы будем там делать?» Ванька говорит: «Обычное дело: разводить огонь, готовить обед на костре, ориентироваться на местности. Одним словом, расширять свой кругозор». И я снова заскакал по комнате и завопил: «Ура-а-а! Я буду расширять свой горизонт!»

Перед сном я очень долго ворочался и все никак не мог уснуть. Я все мечтал о том, как мы пойдем с Ванькой в поход. И что это вообще такое — поход. Я лежал и думал, что сегодняшний день уже завтра будет называться вчера. И что мы наконец-то сможем расширить наши горизонты. И мне очень-очень хотелось, чтобы поскорее пришло завтра и наступило сегодняшнее вчера. Я закрывал глаза и представлял, как в лесу нам повстречаются разные четвероногие хищники: серый волк, кабан-секач или дикий гусь. А еще мы выйдем на такую полянку, где будут играть медвежата, как на картине у Шишкина. И мы будем трепать их за ушами и кормить сахарком. Я думал: «Вот мы придем и для начала выберем самый дремучий лес, где не ступала нога человека. Самые отважные из нас отправятся добывать дичь на обед: в лесу-то ее полно. А остальные будут собирать ягоды и плести красивые ожерелья. А потом мы найдем какое-нибудь дикое племя. И будем ходить, как они, босиком. И голодать вместе с ними без еды и воды, год или два. А потом это племя научит нас ползать по деревьям, а еще разводить костер при помощи обычной веточки и делать настоящие луки со стрелами. А вечерами мы будем сидеть у костра и есть жареное мясо

зубров. И в конце концов нам это очень, очень понравится. Мы так привыкнем, что останемся там на всю жизнь». Так я думал-думал и уснул.

Рано утром Ванька меня растормошил, и мы стали собираться. Пока я протирал глаза и напяливал штаны, Ванька оделся, позавтракал, собрал рюкзак и вышел из дома. Пришлось поторапливаться и завтракать на ходу. Когда я выбежал на улицу, Ванька уже ждал меня с велосипедами наготове. Мы оседлали наши машины и отправились в наш поход бродить по стране. А по пути к нам стали присоединяться другие ребята. И нам становилось все веселей и веселей. И я уже тогда почувствовал, как наши горизонты стали расширяться.

И мы так долго-долго ехали по пыльной дороге, а вокруг были речка, кусты и поля. А на полях всюду были лошади. Они громко хрумкали, чавкали, фырчали и трясли головами. А еще у них были такие большие губы, больше, чем у людей. Это для того, чтобы они могли щипать траву, улыбаться и ржать.

Потом мы приехали в лес, и у нас наконец-то начался настоящий поход. Потому что мы пошли в лес, и каждый принес немного дров: кто охапку веток, а кто и целое полено. Мы развели костер и начали готовить обед из трех блюд. На первое блюдо у нас была тушеная картошка с тушенкой. На второе — тоже. А на третье — чай. Чаю мы сварили целое ведро, чтобы всем хватило.

И вот мы сидим у костра, обедаем. Я на Ваньку глянул — а у него что-то вроде часов на руке красуется. Я говорю: «Вань, дай поглядеть». Он снял с руки, подал. Я послушал: не тикают. «Сломались», — говорю. А он мне: «Балда! Это же компас, а не часы. Он не время показывает, а где север и юг. Понял?» Я говорю: «Ага, понял! Чего не понять-то! Ходишь, ходишь по компасу и оказываешься в лесу. А остальные потом тебя ищут». Ванька говорит: «Эх ты! Чайник! Вот спроси у меня, как ориентироваться на местности при помощи компаса. И я тебе расскажу, а потом еще и покажу». Я задумался. Потом еще немного поразглядывал, покрутил компас в руках и сказал: «Спросить-то я, конечно, могу, но стоит ли все знать» — и не стал спрашивать, а отдал компас обратно.

А после обеда ребята решили побродить. И я тоже не стал сидеть на месте, а пошел гулять по тропинке, куда глаза глядят. Отошел от костра всего на сто шагов — вдруг слышу: кто-то шебуршит на елке. Поглядел, а это белая сова.

Небольшая сова, белая, в крапинку, сидела на зеленой елке и громко хлопала глазами — луп, луп! А я ею любовался. Она была очень красивая, и, чтобы разглядеть ее получше, я подходил все ближе и ближе. А ей, наверное, это не очень понравилось, потому что она стала перелетать с елки на елку. Я за ней, а она снова перелетела. Я опять подошел поближе, а она на другую ель. Говорю ей: «Не уйдешь, хитрюга!» И голову задираю, ищу ее, разглядываю, а она перелетает и перелетает. Так я ходил за ней, ходил. Целый час ходил, а она — раз! И совсем улетела!

Я по сторонам посмотрел, а елки вокруг какие-то незнакомые. Ваньки с ребятами тоже нет. И тропинка куда-то подевалась. Тогда я догадался, что заблудился, и начал кричать: «Ау! Ау-у-у!» Но мне никто не ответил. И я начал громче орать: «Ау! Ванька, ты где!» И снова прислушивался, и сначала опять тишина была. А потом вдруг колокольный звон раздался. Сначала тихо-тихо: «Динь-динь!» А когда я к нему побежал, он все громче и громче делался. И уже очень скоро он не на шутку разбренчался и растрезвонился: «Дин-дон, дин-дон! Динь-динь-дон!»

Так я бежал, бежал и на берег реки выбежал. А на другом берегу церковь стояла. Это ее колокола мне звонили. Я помахал ей рукой и крикнул: «Спасибо!» А потом пошел вдоль берега. И через пять минут я на поле оказался, где мои лошаденки с большими губами траву ели. Только в этот раз они почему-то с другой стороны оказались. Но я все равно им очень обрадовался, потому что за ними пыльная дорога была, по которой мы в поход пришли.

И по дороге я уже не бежал, а скакал галопом и кричал: «Эге-гей!» Я быстро прискакал к костру. А когда меня ребята услышали, то они тоже к костру вышли, и Ванька с ними. Я когда их увидел, заорал: «Ванька, привет! Я по тебе скучал!» А он сказал: «Чего это вдруг?» А я сказал: «Ничего особенного, Вань. Это я так, просто». А потом я подошел к нему, взял его за руку и сказал: «А покажи мне, как компас работает».

ГЛАВА 14. ФИГУРЫ ВЫСШЕГО ПИЛОТАЖА

Когда лучше всего запускать самолетики? Не знаете? Сейчас расскажу. Лучше летом, в июле, и прямо в окошко. Я всегда так делаю. Я беру старые папины газеты и делаю из них совсем новые самолетики. Сажусь на пол и делаю. Разные. В основном военные истребители. Русские, с красными звездами на крыльях. У меня для красных звезд даже карандаш специальный имеется. А еще здо́рово, когда за окном пух летает туда-сюда. Это как будто парашютисты. Так в два раза веселее играть.

В тот день, когда я узнал, что мы взаправду полетим, я так же играл. Запускал самолеты в окно. Я тог-

да сделал пять штук и первым делом на крыльях звезды подрисовал. Чтобы сразу понятно было, что это не какой-нибудь «огородник — кукурузник» из фанеры, а настоящий, реактивный самолет. Потом сразу же в полет запустил. А чего ждать? Топливо в баки заправил и вперед: «От винта!»

Эх! Жалко, что я на втором этаже живу. Вот бы на третьем или на пятом, а лучше на крыше. Я бы тогда все свои рекорды побил. Но второй этаж тоже нормально. Бывает, самолет так улетит, что только его и видели. Правда, редко. Обычно они только до дерева и долетают. Керосин у них кончается, что ли, или ветер не тот, не знаю.

В общем, я окошко распахнул, отошел в конец комнаты и начал отдавать команды: «Проверить закрылки. Освободить взлетную полосу! От винта!» Потом как следует по комнате разбежался и пульнул свой самолетик что было духу. А чтобы он лучше летел, я из окна высунулся и ору ему вслед: «Давай полный форсаж! Поднажми! Взлетай прямо в небо! Даешь новый рекорд!» И, что самое интересное, он меня услышал! Он, наверное, газу дал или еще что, потому что он как-то круто вверх подлетел. А там ветер. И он прямо в облако пуха влетел. И закружился, как чумной. Вот где красота! Настоящая фигура высшего пилотажа! Тут тебе и «штопор», и «мертвая петля», и «бочка» еще. И все сразу, все что хочешь.

Ветер схватил мой самолетик и уже совсем не отпускал. Он его то вверх, то в сторону подбрасывал. И у пилота там, наверное, полная перегрузка была. Но пилоты — нормальные парни, обученные. С ними хоть в разведку, они ничего не боятся. А потом мой самолетик выровнялся и уже сам по себе летел. Долго летел, минут пять или час, пока из виду не исчез. При этом он плавно покачивался с боку на бок, как будто говорил мне напоследок: «Прощай, Мишка! Прощай, второй этаж, и этот дом, и эта улица!» И я тоже ему рукой помахал. А потом думаю: «Вот сейчас новую модель сделаю — и вперед! За новыми рекордами. За новыми перегрузками и "мертвыми петлями". И, наверное, когда я вырасту, я тоже стану летчиком. Буду ходить по аэродрому туда-сюда в кожаной куртке и в шлеме. А еще...» Не успел я додумать — перебили. Так и остался бродить по аэродрому в шлеме и кожаной куртке.

«Ты чего там горланишь на всю ивановскую?» — неожиданно спросил меня папа. Он, наверное, только что подошел. А может, и давно под окном стоял, я как-то не заметил. «Ничего особенного, пап! Это я просто так горланю. В самолеты играю потому что», — ответил я. А он мне говорит: «Вот что я тебе скажу, старик. Закрой-ка окно и начинай собирать свои вещички. Завтра мы летим на недельку в гости к дяде Вите». Я как услышал про дядю Витю, сразу же обрадовался и закричал: «Здо́рово! Я давно мечтал слетать в гости к дяде Вите! Просто всю жизнь!» И закрыл окно. А потом снова открыл и переспросил: «А в гости к дяде Вите в Каргополь?» «Точно, в Каргополь», — сказал папа и мотнул головой. А потом добавил: «Закрой окно, а то вывалишься!» И я сразу же закрыл окно. И снова открыл, и опять спросил: «Пап, а ты уверен, что мы на самолете полетим?» А он ответил: «На все сто процентов!» И вот тогда я по-настоящему закрыл окно, насовсем. И пошел собирать свои вещички. А когда я их собирал, то все время думал: «Это же надо, как мне сегодня повезло. На меня просто один шанс из миллиона выпал. Я и рекорд по запусканию самолетиков побил, и завтра в Каргополь лечу. Папа сказал — сто процентов. А сто процентов — это почти наверняка».

А на следующий день мы поехали в аэропорт Васьково. И папа угадал: мы купили билеты на самолет. Но погода была никудышная. Сильный, боковой ветер. Поэтому мы немножко подождали летной погоды. Недолго совсем, с утра и до вечера, пока за нами автобус не приехал. А когда автобус подъехал, все ему очень обрадовались, и я тоже. Хоть он и смешной был. Его зачем-то к машине ЗИЛ прицепили. И вот мы гурьбой высыпали из аэровокзала и в него сели. Вообще-то не сели, потому что стояли. И автобус повез нас к самолету. И через минуту привез. Можно было и пешком дойти. Ничего, не переломились бы.

Самолет был настоящий. Очень красивый. Большой и белый. С реактивными двигателями. Я как раз о таком и мечтал. А на борту было написано «Як-40». Я когда название прочел, то сразу же догадался, в честь кого самолет назвали. Як — это такое огромное животное. Прямо шерстяная куча с рогами. Я его в ленинградском зоопарке один раз видел. Когда мы туда всей семьей на поезде ездили. Поездочка была еще та, я вам потом о ней расскажу. Так вот эта куча, когда обидится из-за чего-нибудь — ну, например, угощения не принесли или еще что, — то начинает землю копытом бить и хрюкать. Со стороны очень смешно, я поэтому его и запомнил. А цифра сорок — это я не знаю, что такое. Наверное, в самолет вмещается сорок таких шерстяных куч.

Внутри самолета оказалось еще интереснее и веселее. Все чистенько. Яками, как в зоопарке, не пахло. Кругом синие кресла. Папа сказал: «Садись к окну». А я сказал: «Ага. С превеликим удовольствием!» И сел. Было очень удобно, как дома на диване. А через пять минут мы пристегнулись. И начали взлет. И сначала было шумно, а потом нормально. Когда мы взлетали, то моторы ревели, как сумасшедшие: «У-э-э-э!» — а пассажиры молчали. Лица у них были серьезные и все время смо-

трели в потолок. А потом самолет выровнялся, и моторы стали работать нормально: «У-у-у-у!» И все стали разговаривать и улыбаться.

Папа спросил: «Ну, как дела, все хорошо?» А я сказал: «Ага! Взлет — посадка! Просто класс!» А он сказал: «Смотри в иллюминатор, а то самое интересное пропустишь». И я стал смотреть в окошко. И ничего интересного не пропустил. Там было много всего, но все очень и очень маленькое. Такое маленькое, что ничего и не видно. Только лес, и поля, и речку еще. А больше ничего.

И вот мы уже давно летим, а я все жду, когда же «мертвая петля» будет. Или какой другой кульбит. Самолет-то у нас реактивный. Но так ничего и не произошло. Правда, пока мы летели, наш самолет пару раз все-таки падал. Видимо, это «крутое пике» было. Или «штопор», но не сильный, на пару метров всего. Мы летим, ничего себе не думаем, а он возьми и провались, как сквозь землю. Просто «жуууух» — и вон из-под ног. Представляете? И когда мы так падали, у меня уши закладывало, как будто я в речку нырнул. А еще щекотало под ложечкой, и зубы сжимались, и душа, конечно, в пятки уходила. Было очень здорово и весело. А потом наш «Як» снова набирал высоту, и было слышно, как у меня желудок на место падает.

Где-то через час мы прилетели в Каргополь. Старинный русский город — много красивых церквей и всюду добрые лица. А дядя Витя нас встречал. И всю неделю мы занимались разными полезными вещами. То червяков на рыбалку копали, то с удочками за пескарями ходили. То баню топили, то спали, то ели. И если честно, то за эту неделю я здорово притомился. А под конец и вовсе извелся. Где ни присяду, всюду ерзаю, как на иголках, потом погляжу на небо и вздыхаю. Это я так дождаться не мог, когда же мы снова сядем в реактивный самолет. Пристегнемся в синих креслах и полетим, выписывая в небе различные кренделя да фигуры высшего пилотажа.

ГЛАВА 15. МОРСКИЕ ВОЛКИ

В конце лета мы с Вовкой решили стать настоящими морскими волками. А для этого что нужно? Настоящий морской поход, желательно кругосветный. А еще съесть пуд соли и пролить ведро пота. Ну и сундук с сокровищами, конечно, и чтобы шторм был, и чтобы сандалии вымокли. Иначе никак. Иначе — не взаправду.

В общем, решили — и дело пошло. Плот на нашем пруду мы быстро построили и название для него придумали, самое что ни на есть пиратское — «Нырок». А вот капитаном решили быть по очереди, но все-таки я первый. Вовка говорит: «Раз ты капитан, тебе и подзорную трубу искать!» Я говорю: «Зачем труба? Обойдемся и так». А Вовка рассмеялся и говорит: «Как же мы без трубы капитана от матроса отличать будем?» Я говорю: «Голова ты, Вовка! Такая пустяковина, а я бы не додумался! Без трубы-то и правда никак». Вовка говорит: «Ага, один капитан хорошо, а два лучше!» Я говорю: «А ведь у моего Ваньки как раз бинокль имеется, настоящий, морской. Лучше всякой подзорной трубы будет, нужно только попросить». Вовка говорит: «Заметано! А я, как второй капитан и правая рука первого, попрошу у деда фуражку да провизией запасусь». И мы разошлись по домам.

Мой Ванька ничего не подозревал, он с папой по телевизору футбол смотрел. Я тоже к ним на диван присел. Но футбол я не люблю смотреть, мне в него играть больше нравится. Поэтому я решил не мешать им, а сразу к делу перейти. Пододвинулся к Ваньке и говорю: «Вань, а Вань, дай мне твой бинокль, и я гулять пойду». А он отвечает: «Еще чего? Не дам!» Я говорю: «Ну Вань, я же не просто так, мне для дела нужно!» А Ванька отвечает: «Ты в прошлый раз точно так же говорил». А я: «Так это тогда было. Там для науки, а сейчас совсем другое дело!» «Что это за наука такая, что ты весь мой бинокль в чернике извозил?» — спросил Ванька. А я говорю: «Я же тогда варенье изучал! А сейчас мы с Вовкой решили стать морскими волками. Настоящими, понимаешь? У нас и плот на пруду построен, и фуражка есть, а бинокля нет!» А он свое твердит: «Не дам!»

В это время по телевизору начал говорить комментатор: «Дроздов отобрал мяч, проходит вперед. Обходит по правому флангу одного защитника, второго! Игра обостряется!» И папа нам с Ванькой как крикнет: «Мишка, не мешай матч смотреть! Ванька, дай ему бинокль!» Я говорю: «Ага, отдавай бинокль!» А Ванька: «Не видать тебе бинокля как своих ушей!» Тут по телевизору комментатор тоже кричать начал: «Дроздов делает пас Карпову. Карпов навешивает на ворота!

Внимание! Опасный момент!» А я кричу: «Жадина ты, Ванька! Жадина-говядина!» А Ванька кричит: «А вы с Вовкой без моего бинокля никакие не морские, не волки! А самые обыкновенные, пресноводные зайцы!» Тут я не сдержался и как заору во все горло: «Ах так!» И как наподдам Ваньке! А он мне — сдачу. А я ему еще сильнее. А комментатор по телевизору уже громче меня и Ваньки орет: «Сергей Хохлов бьет по воротам — гол! Го-о-ол!» А мы с Ванькой уже на полу валяемся и мутузим друг друга. Я рычу, он кряхтит. А папа кричит: «Нет, так жить нельзя! Наташ, приготовь мне ремень подлиннее да потверже!»

Мы как про папин длинный ремень услышали, сразу же драться перестали. Я думаю: «Ладно! За пресноводных зайцев я с Ванькой позже расквитаюсь». Только мама не стала ремень готовить, у нее для нас обед был готов, и она сказала: «Дорогой, не нужно так расстраиваться — это всего лишь футбол! Посмотри, какие у нас прекрасные и любящие дети». И когда мы поднялись с пола, она добавила: «Всем мыть руки — и за стол». А папа сказал: «Война войной, а обед с двенадцати до часу». И мы пошли обедать, потому что есть мы все любим.

Вовке я сказал, что Ванькин бинокль нам не годится, больно уж модель не подходящая — сухопутная. Зато у меня появилась мыслишка, как нам сделать пиратский флаг. Нужно было только черную ткань раздобыть. Бинокль — это что? Бинокль — чепуха! Можно и без него. А вот без флага — никак. Все ребята засмеют. Да что там ребята, рыбы — и те от смеха животики надорвут.

На следующий день я заглянул в шкаф с одеждой. Большой такой шкаф, у мамы с папой в комнате стоял. Решил узнать, нет ли там чего-нибудь пиратского. И, не поверите, там много всего оказалось. На любой вкус и цвет. Но мне только черное нужно было, и я первым делом папин галстук взял да мамину юбку. Галстук я для повязки на глаз припас, а из маминой юбки решил флаг смастерить. Я эту юбку на полу разложил, затем очень аккуратно разрезал ножницами пополам, отстриг лишние штуковины, получилось не очень ровно, но для пиратского флага нормально, сойдет, одним словом. Потом я на обычной газете нарисовал кости с черепом, выстриг их и приклеил на мой флаг. Флаг получился очень красивый и большой, только от клея мокрый. И я его до вечера оставил на полу, подсушиться. А вечером, когда мама с папой с работы пришли, я им кричу: «Мам, пап! Глядите, какой у меня флаг получился! Настоящий, пиратский — закачаешься просто!» Папа когда в комнату зашел, сказал: «Ого! Не то слово "закачаешься"! Сейчас тут шторм будет!» А когда мама мой флаг увидела, она и правда закачалась. Потом она на кровать села, мой флаг в руки взяла и сказала: «Все, не могу больше! Сил моих нет! Уезжаю на курорт, на месяц. Нет, на два! А вы не скучайте тут». А папа сказал: «Дорогая, ну не расстраивайся ты так — это же просто дети. Я обещаю, мы купим тебе новую юбку. Нет, если хочешь, то — две! Только не уезжай». А я подбежал к маме, обнял ее и тоже сказал: «Не уезжай, мамочка! Я больше так не буду! И с Ванькой драться не буду! И в море мы с Вовкой не пойдем — честное слово!» А Ванька все слышал. Он тихонечко подошел с другой стороны и так же, как я, обнял маму, а потом добавил: «Не уезжай, мам! Мы тебя очень-очень любим! Я и в школу вовремя вставать буду, и в комнате прибираться. А еще свой бинокль Мишке отдам. Насовсем отдам, вот увидишь! Только не уезжай, мам!» И мама согласилась, она тоже нас обняла и сказала: «Хорошо, остаюсь. Но если еще хоть одна провинность, покупаю билет на самолет, без всяких обратно!» И мы все очень обрадовались, что мама никуда от нас не летит. А папа сказал: «Нет, ты посмотри! Все-таки какие у нас прекрасные и любящие дети!»

На следующий день я рассказал Вовке про то, как мы с Ванькой повздорили, а потом помирились. И про мамину юбку тоже рассказал. И мы так решили: «Ну их, этих морских волков, одни неприятности с ними. Лучше мы в Али-Бабу и сорок разбойников играть будем! К тому же флаг и бинокль у нас теперь есть. Осталось только пистолеты с пистонами раздобыть и немного пороха».